

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ТЕКСТА

Новая отрасль языкознания — лингвистика текста исследует текст как специфическое образование, признает его основной единицей коммуникации. Ключевым понятием при анализе языковой коммуникации является понятие деятельности. Многие современные исследователи рассматривают текст как выражение определенных функций в рамках речевой деятельности участников коммуникации. Выделяют особую разновидность коммуникации — художественную. В художественном тексте перед нами предстает особый мир — со своим пространством и временем, со своей системой ценностей¹. Как считает, например, Н. Д. Арутюнова, «литературной коммуникации так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)»². Автор художественного текста ставит перед собой особые задачи, но всегда среди них есть коммуникативная задача.

Все планы текста, в том числе и экспрессивность, направлены на то, чтобы наилучшим образом обслужить коммуникацию. Экспрессивный план имеет следующее коммуникативное назначение: сделать содержание текста более эмоциогенным, эстетически выразительным, подчеркнуть, выделить и усилить значимость содержания с целью максимально воздействовать на реципиента (читателя). Экспрессивность связана с отбором специфических языковых средств, их организацией, с приемами композиции художественного текста, с прагматической установкой автора и психологией восприятия текста реципиентом.

Не вдаваясь в тонкости различных взглядов на экспрессивность, существующих в современной лингвистике, отметим лишь, что чаще всего об экспрессивности говорят как о стилистическом феномене, но можно вести речь об экспрессивности и как о семантическом явлении, и как о феномене прагматическом.

Некоторые исследователи приравнивают экспрессивность к эмотивности, другие — к интенсивности. Одни утверждают, что между экспрессивностью и эмотивностью существуют отношения типа «общее — частное» и считают эмотивность составной частью экспрессивности, другие, наоборот, утверждают, что экспрессивность — часть эмоционального. Существуют разные нюансы и в понимании взаимосвязи этих явлений. Например, по мнению А. В. Филиппова, экспрессивность и эмотивность (эмоциональность) вообще не рядопологаемы.

С нашей точки зрения, экспрессивность — это сумма целого ряда факторов, характеристик текста: эмотивности, оценочности, образности, интенсивности, стилистической маркированности, специфических структурно-композиционных особенностей, подтекстовых явлений. Вследствие различной комбинации этих свойств (планов) экспрессивный текст способен выразить отношение автора к описываемому, выразительно представить содержание и тем самым увеличить силу воздействия текста на реципиента, актуализировать его чувства, эмоции, социальные и индивидуальные оценки.

Рассмотрим это на примере небольшого текста: «Вечерело. Суровело. Хозрасчетило. С речки потянуло ароматом свежих сточных вод. За окном догорал закат и очередной пассажирский самолет. Словом, будни» (Литературная газета). Данный текст имеет не-нейтральный регистр. Восприятие его — акт творчества реципиента, так как в восприятии участвуют фоновые знания (*хозрасчетило*), подтекстовые явления, сигналом к восприятию которых служат фразы: «догорал пассажирский самолет» — «будни». Вероятно, экспрессивность сопровождает язык в действии и предполагает не только автора, но и реципиента, отсюда ее связь с интерпретацией текста. Фактически между автором и реципиен-

том есть лишь особым образом организованная система знаков, т. е. текст. При его восприятии активизируется не только мышление, но и эмоции, которые сливаются в целостное художественное переживание.

Экспрессивный эффект этого текста создается и за счет синтеза языковых средств (окациональных образований — *хозрасчетило*, *суровело*; семантической многоплановости слова *свежий*, создающего особый вид языковой игры), приемов соединения языковых средств, например, эффекта «обманутого ожидания» — *ароматом свежих... сточных вод* и т. д. Усиливает экспрессивный эффект тот факт, что текст как бы взят в рамку нейтральными средствами: «*Вечерело... Словом, будни*». А это структурно-композиционный прием. Налицо также ироническая оценка автором происходящего.

Итак, экспрессивность текста — интегральный результат реализаций таких его свойств, как эмотивность, оценочность и др. Реально функционируя в тексте, они выступают в органическом единстве, частично налагаясь, частично дополняя друг друга, причем, как правило, взаимодействуют не менее двух составляющих (свойств) одновременно. Комбинации их зачастую уникальны, границы между ними в реальных текстах обнаружить сложно.

Все экспрессивные языковые средства обладают собственной отражательной способностью. Но отражается ими не предметный мир, а социально-типичные отношения к предметам и явлениям этого мира; социально-типичные формы и способы психической деятельности, стереотипы восприятия, воображения и мышления; нравственные, эстетические, интеллектуальные, профессиональные и др. нормы. Эти идеальные объекты материализуются в программах поведения языковой личности, в устойчивых системах действий, поступков, высказываний и являющихся для участников коммуникации элементами социальной среды, частью объективного мира. Экспрессивные языковые средства потому и увеличивают прагматическую силу текста, что присоединяют к основной информации не менее важные созначения и смыслы, относящиеся к указанным выше идеальным объектам, которые задевают внутренние «струны» личности, актуализируют глубинные психологические структуры, относящиеся к потребностно-мотивационной, эмоционально-волевой и когнитивной сферам личности реципиента.

Проблему экспрессивности нельзя решить без привлечения к анализу всех ее составляющих. Они как бы пересекаются в экспрессивности. Наблюдения над конкретными текстами позволяют утверждать, что всегда отмечается примат эмотивности в разного рода комбинациях слагаемых экспрессивности. Следовательно, эмотивность — ядро экспрессивности. Эмотивность — такое свойство, качество, план текста, который представляет собой набор языковых средств, способных произвести эмоциогенный эффект, вызвать у реципиента соответствующие эмоции.

Эмоции исследуются психологией как психические процессы не только в связи с речевой деятельностью, но и в связи с самыми различными проявлениями действий и состояний личности. В языке существует широкий арсенал средств для выражения эмоций, настроений, аффектов, страстей, чувств и т. д. Это и фонетические, и просодические, и морфологические, и лексические, и синтаксические средства. Но лишь интонация и лексика выражают эмоции дифференцированно. Другие же языковые средства характера эмоций не раскрывают³.

В современной лингвистике сравнительно неплохо исследованы лексические средства выражения эмоций. Причем если раньше исследователи говорили о необходимости дифференцировать слова, обозначающие эмоции (*любить*, *ненавидеть*), и эмоционально-окрашенные слова (*старикан*, *кляча*), то теперь пытаются решить более сложные и тонкие проблемы представления эмоций в лексике.

Решение данной проблемы затрудняет тот факт, что язык не располагает достаточным количеством слов даже для обозначения эмоций, чувств, настроений. Ведь по мнению В. Вундта, в человеческой психике

насчитывается около 50 тыс. ощущений, а чувств, настроений еще больше. Язык, например, объединяет под общим названием чувств такие разные явления, как чувства собственности и красоты, справедливости и ужаса, ответственности и боли, правды и юмора и т. д. Видимо, не случайно Ф. Достоевский, называя эмоцию, в качестве эпитета к ней добавлял неопределенное местоимение: *какая-то грусть*. Однако даже простые наблюдения за языковыми фактами позволяют отметить глубокие различия в семантике сходных эмоций. Так, можно выделить эмоциональные состояния, которые в языке представлены статически: *уныние, печаль*; динамические эмоциональные состояния: *возмущаться*; эмоциональное взаимодействие с объектом: *любить, презирать*; эмоциональное во времени: *желать* — направлена на будущее, *любить* — на настоящее, *тосковать* — на прошлое. В языке зафиксированы как эмоции, отражающие внешнее поведение человека: *смеяться, обниматься*, так и внутренние его состояния: *гордиться*. Более того, язык тонко различает специфические качества эмоций в каждом из названных классов. Например, среди эмоций, обозначающих внутреннее состояние человека, т. е. состояние души, есть эмоции как бы центростремительные: *гордость, самодовольство, раскаяние* (ср. в этой связи цитату К. Маркса, который назвал стыд гневом, обращенным внутрь) — и центробежные, т. е. направленные на другого: *зависть, благодарность, презрение*. Среди них есть и промежуточные эмоции, которые могут быть направлены и на себя, и на другого: *злость, досада*.

Каждая из названных эмоций может быть представлена в языке и более дифференцированно. Например, *презрение* может быть *наигранным* и *искренним* и т. д. Следовательно, закрепленные в языке названия эмоций и чувств не исчерпывают и тысячной доли всей эмоциональной палитры языковой личности. Мы можем констатировать диффузность, размытость семантики даже в наименованиях эмоций в языке, не говоря уже о чрезвычайной сложности в значениях эмоционально-окрашенных (коннотативных) слов⁴.

Что касается обозначения и описания эмоций в конкретных текстах, то при их анализе можно отметить еще больше неопределенности, свидетельствующей о том, что язык не терпит точности в назывании и описании эмоций. Например: «Последнее время что-то совсем неладно было на душе у Тимофея Худякова — опостылело все на свете. Так бы вот встал на четвереньки и зарычал бы, и залаял, и головой бы замотал» (В. Шукшин). Только на фоне всего текста можно точно установить описанное В. Шукшиным эмоциональное состояние — злоба? отчаяние? безысходность? безнадежность?

При попытке исследовать эмотивный аспект текста встают многочисленные вопросы, ответы на которые пока не найдены. Почему, например, научные тексты поддаются пересказу без каких-либо потерь, а эмоциональные оттенки, возникающие при чтении художественного текста, при пересказе исчезают? Почему пересказ физического закона позволяет нам понять его даже лучше, чем при самостоятельном чтении, а пересказ «Фауста» Гёте не дает возможности оценить это произведение? Как быть, если нам нужно вызвать одинаковую реакцию на текст у множества реципиентов? В попытке ответить на эти вопросы мы солидарны с А. Е. Супруном, который считает, что «дело здесь не только в логической, содержательной структуре текста, но и в его эмоциональном заряде, в его действительности...»⁵. Видимо, здесь важно не только понять средства и приемы создания художественных идей, но и движение этих идей во внутренней структуре текста. Не случайно Б. А. Ларин писал: «Глубокий эмоциональный план — за порогом ясного сознания. И колышут эту стихию не значения слов, о которых нам легче рассуждать, а эмоциональные разряды от смежности слов и фраз»⁶.

Итак, эмотивность — одна из главнейших составляющих экспрессивности, сама экспрессивность формируется как когнитивными средствами

(образ, рациональная оценка), так и эмотивными, а также композиционными средствами и средствами подтекста⁷. Экспрессивность — «энергетическая» характеристика текста, она реализуется в силе воздействия на интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферы личности. Но экспрессивное воздействие может возникнуть и независимо от использованных в конкретном тексте языковых средств и приемов. В этом случае экспрессивность есть результат субъективно-личностной значимости информации, заключенной в тексте, т. е. экспрессивный эффект обусловлен не только языковыми и структурными особенностями текста, но и его содержанием и качествами личности, воспринимающей текст. Такого рода эффекты восприятия текста являются предметом психологического и психолингвистического исследования.

Разработка теории экспрессивности текста может помочь решению проблем социального регулирования поведения языковой личности. Несомненна ее ценность и при обучении языку, ибо умелым подбором и вариациями экспрессивных языковых средств и приемов композиции можно значительно ускорить и облегчить восприятие текста.

¹ См.: Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // ВЛ. 1968. № 8.

² См.: Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 365.

³ См.: Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978. С. 106.

⁴ См.: Маслова В. А. К построению психолингвистической модели коннотации // ВЯ. 1989. № 1.

⁵ Общее языкознание / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1983. С. 425.

⁶ Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 282.

⁷ См.: Маслова В. А. Психолингвистические аспекты восприятия подтекста // Текст в речевой деятельности. М., 1988.

М. В. СТЕПАНОВА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык, развитие которого обуславливается экстралингвистическими факторами и который способен отображать перемены, происходящие в окружающем мире, изменяется, тем не менее, в соответствии со своими внутренними законами. В каждом конкретно взятом языке, помимо основных тенденций, нередко общих для многих языков, отмечается ряд проявлений, свойственных только данному языку. В исследуемом нами английском языке, в частности, в развитии лексико-семантического поля эмоциональных межличностных отношений, можно выделить общеязыковые направления, к которым мы относим прежде всего дифференциацию значений слова и изменение типа полисемии слов с широкой семантикой, и характерное для лексической подсистемы английского языка преобладание заимствованных слов (в основном романского происхождения) над словами исконно английскими. Учитывая тот факт, что слова романского происхождения, попав в язык-субстрат, практически «консервировали» свое значение, наибольший интерес с точки зрения дифференциального развития семантики представляют лексемы исконно английские. Общеизвестно, что слова, называющие жизненно важные для носителей языка реалии и понятия, принадлежат к основному словарному фонду. В этом плане не составляет исключения и ядро анализируемого поля, где базовые отношения — любовь и ненависть — обозначаются исконно английскими словами — *love, hatred*.

Дифференцированность значений проявляется в иерархической организации семантических структур английских слов на современном этапе, что противопоставляется нерасчлененности значений древнеанглийских лексем. Так, древнеанглийское существительное *lāf* могло реализовать